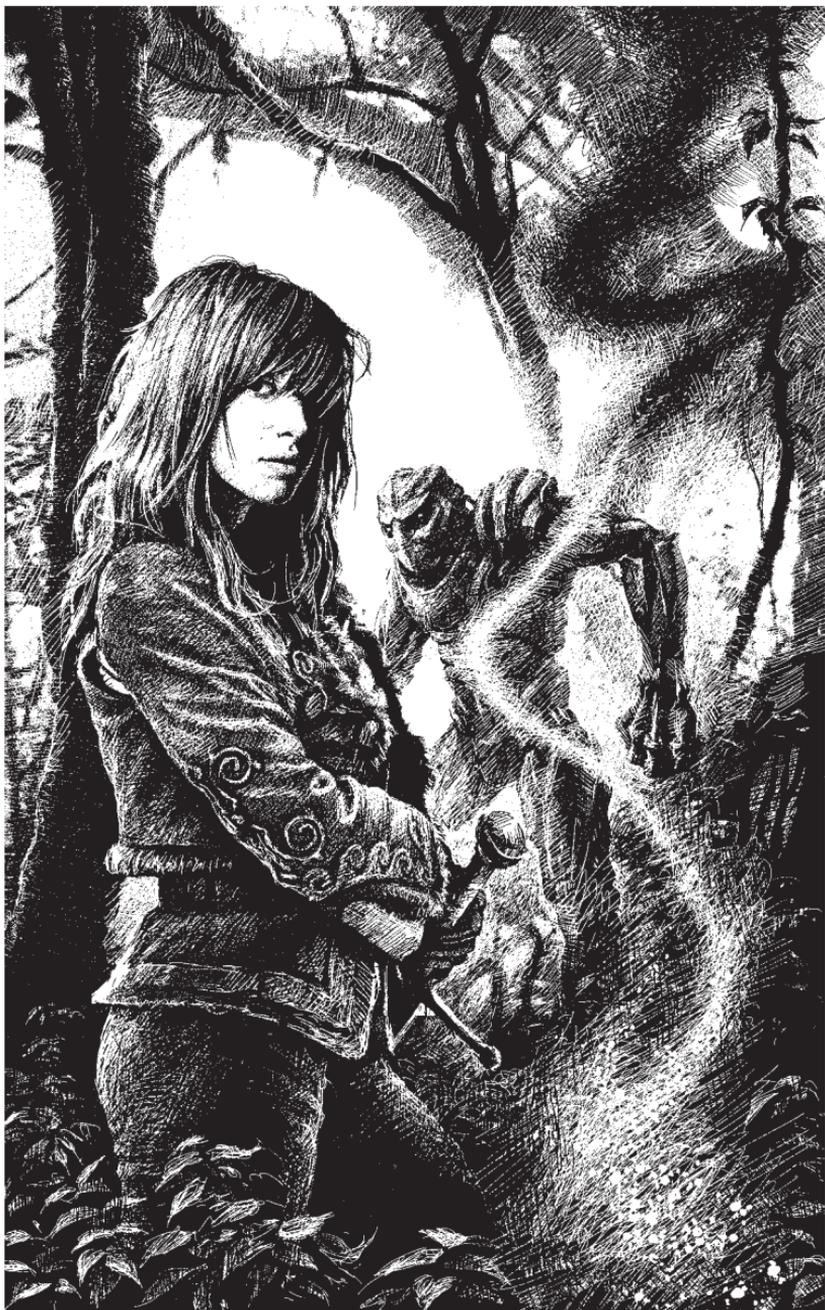

Книги Павла Шабарина
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

**ПОСЛЕДНИЙ ИНЖЕНЕР
КРЕТЧ. ГИМН БЕГЛЕЦОВ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ ШАБАРИН

КРЕТЧ.
ГИМН БЕГЛЕЦОВ

РОМАН

Москва, 2015
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш12

Серия основана в 1992 году
Выпуск 952

Художник
В. Федоров

Шабарин П. В.

Ш12 Кретч. Гимн Беглецов: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 409 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2004-9

За последние годы город Кретч стал центром технологического прогресса. Мир застрял в темных веках, и лишь жители Кретча сумели вырваться в индустриальную эпоху. Когда повсюду церковь выискивает колдунов и ведьм, здесь промышленники строят заводы и железные дороги. Когда во всем мире на полях сражений сверкает сталь, в Кретче производят порох и ружья.

Окутанные туманом улицы скрывают много тайн. Разведки многих стран сражаются за право владеть опасными технологиями. Аристократы плетут интриги, а в бедных районах поднимают голову революционеры. Тем временем город содрогается от череды загадочных убийств. Где-то в самом его сердце пробуждается немыслимое древнее зло.

Трем беглецам придется примерить на себя роль детективов. Опальная аристократка, престарелый вор-виртуоз и не-такой-уж-простой крестьянин... Смогут ли они преодолеть разногласия, справиться со всеми опасностями и, может быть, спасти Кретч?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Шабарин П. В., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2004-9

Глава 1 ТРИ ОГНЯ

Лесли

Лесли любил свою работу, и оттого он тихонько насвистывал, пока его повозка легко катила вперед. Свист этот был не только приятен ему самому, но еще и раздражал его груз, что добавляло веселья. А еще старый возница верил, даже знал, что эта древняя мелодия отгоняет духов, незримо обитающих в ветвях Миркского леса. Березы и сосны непроглядными в ночи стенами стояли по правую и левую руку от узкой колеи дороги. При себе возница имел старенький бычий глаз. От лампы исходили тепло и керосиновый чад. Луч света разрубал тьму, но это, похоже, ее только злило, и она становилась густой и непроглядной по его краям.

Впрочем, Лесли не боялся ни тьмы, ни того, что в ней обитало. С ним была его мелодия, что он когда-то услышал из материнских уст, а еще — два мордovorота-стража. Они неспешно ехали позади повозки на своих приземистых серых лошадках. Оба при мечях и пистолях. Тот, что постарше, нес за спиной тяжелый пехотный арбалет — видимо, дань старой привычке и армейским традициям. Сам Лесли как когда-то в молодости не научился стрелять из лука, не стал и сейчас, в своих седых годах, учиться обращаться с черной солью, иначе говоря — порохом. Ему это было без надобности. Меж досок облучка примостилась рукоять добротного свинореза. Нож, как ему и положено, был не длиннее чем от локтя до кончика пальцев его владельца.

Многие говорили, что скоро попадут под запрет как ружья, так и пистолы. Но Лесли не верил. Толку от пистолей было ноль, а значит, и запрещать их не нужно. Пару лет назад, когда эти чудеса только появились, один умник пальнул Лесли в брюхо. Возница встал, вытащил свой нож и раскроил парню горло, пока тот думал, как бы ему перезарядить свое оружие.

Круглый кусочек свинца потом пришлось выковыривать, а рану еще в два оборота прокладывать целебными травами да присыпать серой солью. Шрам остался большим, но по сравнению с остальными, что Лесли получил на своей работе, этот был сущим пустяком.

Свою работу он действительно любил. С одной стороны, он в каком-то смысле имел власть над человеческой жизнью. Груз должен добраться до места или... в крайнем случае Лесли мог пустить в ход свинорез. С другой стороны, возница не был ни судьей, ни палачом. Лезвие его ножа обагрилось кровью не так часто, и каждый раз у него не оставалось иного выбора. Ему не был приятен процесс, но ему доставляло удовольствие знать, что он, простолюдин, второй сын портного, *может по собственной воле* отнять жизнь. Оттого он и любил свою работу.

Лесли натянул поводья, когда впереди из темноты показался силуэт упавшего на дорогу дерева. Черная птица, кажется ворон, взлетела с его ветви, махнув широкими крыльями.

— Что ж за напасть! — выругался Лесли, а затем крикнул куда-то назад: — Эй, мужики! Тут дерево на дороге. Сюда идите!

Он уже начал слезать со своего места, когда до него долетел звук голоса одного из стражников, того, что постарше.

— Варрик, поможешь там? — Тишина. — Пацан, ты чего, отстал? Варрик?!

В темноте вдруг что-то вспыхнуло, раздалось шипение, и сразу за ним — звук выстрела. Лошадь заржала, что-то тяжелое упало на землю. Послышался удаляющийся топот копыт. Затем все стихло.

— Что там у вас происходит? Мужики?! — Голос Лесли дрогнул, но не его рука, в которой возница уже сжимал рукоять ножа.

Второй рукой он схватил фонарь и направил его луч в сторону стражников. Сквозь тьму, окутанную пороховым дымом, проступала одна-единственная фигура. Между нею и Лесли было шагов двадцать, не меньше.

— Поставь фонарь. — Голос незнакомца звучал уверенно и даже властно.

Лесли поймал себя на мысли, что уже наклонился, чтобы сделать то, что ему сказали, но вовремя одумался.

— Мужики?! — крикнул он еще раз зачем-то, хотя и знал, что те двое уже мертвы.

Человек это был или нет там, в дымке... у старого возницы был долг, и сейчас, он знал это, настала пора его исполнить. Лесли занес свинорез и направил лезвие меж досок.

Груз не должен уйти.

Пламенем вспыхнула боль в руке, занесшей нож для удара. В полумраке Лесли увидел короткий арбалетный болт, торчащий из своего запястья. Свинорез, выпущенный им, так и остался торчать между досками.

Лесли соображал быстро. Не теряя ни секунды, возница поднял фонарь, чтобы со всей силы опустить его на повозку: керосин вспыхнет, и огонь поглотит груз.

Но его плану не суждено было сработать. За считанные мгновения незнакомец преодолел расстояние между ними. В два невозможных прыжка он оказался лицом к лицу с возницей. Одной рукой он перехватил лампу, а другой — вонзил в Лесли его же собственный нож. Лезвие вошло в живот и невероятно медленно двинулось вверх, к сердцу. Но до сердца не дошло. Все еще в сознании Лесли повалился на землю.

Незнакомец выпустил рукоятку ножа и легким движением подхватил лампу. Затем он уже не спеша снял с пояса возницы ключ, пока тот сквозь кровавую пену, идущую ртом, пытался посылать проклятия в сторону своего убийцы.

Лесли поднял глаза к клочку неба, проступающему меж крон деревьев, и наконец-то понял, что уже не сможет исполнить свой долг.

Томас

Трое, что сидели в деревянной клетке, конечно, не видели того, что происходило снаружи. Сквозь щели между досками проступали лишь острые как нож лучи света. Были слышны приглушенные голоса и какая-то возня.

Томас зашевелился первым. Тело, покрытое синяками, отозвалось ноющей болью. Всех били до погрузки в телегу, но старому вору досталось пуще остальных. Стражники, вне всяких сомнений, были наслышаны о его репутации и, опасаясь побега, решили применить наиболее эффективную контрмеру — окованные сапоги. Сейчас на нем, кажется, не было живого места.

Да уж. Он представлял, как сейчас выглядит. Вокруг глаз все вздулось синевой. Повсюду корки запекшейся крови — и в спутанных волосах, и на седой косматой бороде, и на рубахе из

мешковины. Но самое ужасное — что у него были разбиты пальцы, да так, что руки почти не слушались.

Но даже в таком состоянии у Томаса хватило сил и сноровки, чтобы вытащить ржавый гвоздь из телеги. Не самая лучшая отмычка, но и кандалы были довольно простыми.

Раздался глухой звук удара.

Томас поднял взгляд и увидел, как девчонка, что сидела напротив него, завалилась набок и сейчас пыталась выломать дверь телеги ногами.

— Совсем с ума сошла? — шепнул он ей. — Сначала надо кандалы снять!

Девчонка на секунду прервалась и посмотрела на него. Молодая, высокая, красивая, с копной огненно-рыжих волос. Но при этом в тюрьме ее обходили стороной даже стражники. Один-единственный раз трое охранников решили поразвлечься с ней. Один ушел со сломанной рукой, второй без зубов, а третий... о том, что стало с ним... Томасу и думать не хотелось.

— Ага, — улыбнулась ему девушка и нанесла еще один удар, — чтобы нас тут прирезали как свиной? Я уже видела там лезвие ножа. Мне оно без надобности.

Третий, что сидел в дальнем углу — молодой парень, — судя по виду, хотел сказать что-то важное, но промолчал. Возможно, потому, что был крайне сдержан, возможно, потому, что рот его был накрепко заткнут кляпом. Такого обращения обычно удостоивались политические заключенные, те, кто мог сболтнуть лишнего. Но парень был настолько прост лицом, насколько это вообще было возможно. Светлые, выгоревшие на солнце волосы и загорелые мозолистые, мускулистые руки говорили о том, что этот человек раньше работал на земле. Томас никак не мог смекнуть — зачем затыкать рот крестьянину?

Пока девчонка продолжала выбивать крепкую дверь, что, кстати, получалось у нее довольно неплохо, старик закончил возиться со своими кандалами, и те со звоном упали на пол. Он сразу же подполз к парню и выдернул кляп.

— Благо... — Тот закашлялся. — Благодарствую!

— Сочтемся. — Томас попытался улыбнуться и подмигнуть ему сквозь свои синяки. Получилось неважно.

Как раз в этот момент дверь телеги наконец-то отворилась. Ровно за секунду до того, как девчонка нанесла последний удар. Ее босая, разбитая в кровь пятка угодила прямоком в че-

ловека, открывшего дверь. Тот, согнувшись пополам, схватил девушку за ногу и попытался удержать, но она тут же ударила его второй ногой в лицо и буквально вывалилась из телеги, гремя цепями.

— Помоги ей, — буркнул крестьянин, — я тут сам справлюсь.

Без лишних слов вор покрепче перехватил гвоздь и вылез наружу.

В свете фонаря, стоящего неподалеку, перед ним предстала следующая картина: на земле, наполовину погрузившись в грязную лужу, лежала эта драчунья и цепями удерживала на себе за шею какого-то мужика. Тот, в свою очередь, упирался острием ножа ей в бок.

Долго размышлять старик не стал. Он подошел к этим двоим и, наклонившись, прижал гвоздь к лицу незнакомца, рядом с глазом.

— Скажи ему, чтобы нож убрал! — рявкнула девчонка.

Томас скорчил недовольную рожу — ему не нравилось, когда им пытаются командовать.

— Делай, что она сказала, — тихо произнес он.

— Я приятно удивлен, — незнакомец широко улыбнулся, — надеюсь, если я соглашусь с вашими условиями, вы позволите мне хотя бы объяснить причину, по которой я пошел на риск и освободил вас?

— Пусть только шило свое уберет! — вновь рявкнула девчонка.

Старик кивнул, и спустя мгновение рукоять ножа оказалась у него в ладони.

Девчонка отпустила цепи и столкнула мужчину с себя. Тот повалился в грязь, а она поднялась на ноги. Как раз в этот момент из телеги показался и третий заключенный — уже без оков.

— Говори, — коротко сказал старик и направил лезвие ножа на незнакомца.

— Мое имя — Лэнгли.

— И что тебе нужно, Лэнгли? — спросил Томас.

— Для начала я хотел вас освободить, — сказал незнакомец и продемонстрировал ключ от оков, который он все это время сжимал во второй руке.

Резким движением девчонка выхватила ключ и начала снимать с себя путы. Парень тут же поспешил ей помочь.

— Отвали! — буркнула она ему. — Сама справлюсь.

— Что еще? — продолжал допрос старик, не давая незнакомцу подняться из грязи. Впрочем, того это, похоже, не очень волновало.

— Я еще хотел предложить вам воды. — Он постучал пальцем по фляжке у себя на поясе.

— Слушай, умник, не юли. Мне тебя тут кончить — дело пустяковое. — Томас решил, что немного блефа сейчас не помешает.

— Это славно, — заключил Лэнгли, а затем добавил: — Кроме того, я хотел посоветовать вам дальнейший маршрут.

— Что?

— Ну... вы можете пойти назад, к ближайшей заставе, или вперед, к долине рудников, куда вас и везли... Ну или уйти в лес к бандитам и диким животным... А можете...

— Вот... — старик улыбнулся, — сейчас мы все же узнаем, чего тебе нужно.

— Можете свернуть через двести шагов с дороги и выйти к заброшенной лесопилке. Там ночуют трое путников. Они не из этих земель. У них с собой золото и документы...

— Отправить их к праотцам, так? — спросила девчонка, потирая запястья.

— Я ни на чем не настаиваю, но если вы трое это сделаете, то вполне можете занять их место... Кстати, можно мне встать?

Старик и девчонка перекинулись взглядами и оба отступили на шаг.

Лэнгли поднялся на ноги. Только теперь у всех появилась возможность его рассмотреть. Незнакомец был совершенно ничем не примечателен. Среднего роста, среднего телосложения, он был облачен в побитую временем военную шинель, которая, похоже, и до падения в лужу чистотой не отличалась. Под шинелью виднелась простая рубаха, а еще на нем были кожаные штаны и армейские сапоги с тупыми мысами. Больше всего такой вид соответствовал бы какому-нибудь дезертиру из стрелкового полка. Глаза у него были черными, как и волосы, и чем-то Лэнгли походил на ворона.

— Воды? — Он протянул им свою фляжку.

Парень, опередив Томаса, выхватил флягу и, откупорив ее зубами, сначала принюхался, а лишь затем отпил.

Сделав несколько жадных глотков, он передал флягу старику.

Вода оказалась ледяной и буквально обжигала все внутри. К своему искреннему удивлению, оторвавшись от горлышка, Томас обнаружил, что вместе с жаждой отступает и ноющая боль.

Лэнгли тем временем развернулся и преспокойненько двинулся напрямик в сторону леса.

— Если все выгорит, то встретимся с вами на пароме до Кретча. Он в одном дневном переходе к северо-западу от лесопилки. Там и обсудим дальнейшее сотрудничество.

С этими словами он покинул конус света и тут же растворился в темноте, оставив позади трех осужденных, а ныне беглых каторжников.

— Будешь? — Старик предложил флягу девушке, но та отрицательно покачала головой.

Томас выпил столько, сколько ему хотелось, а остатки вылил себе на голову и протер лицо ладонью.

Рядом с телегой валялись трупы.

— Мародерство? — предложил старик и обнаружил, что девушка уже стягивает сапоги с возницы.

— Не дело это — с мертвеца одежду носить, — буркнул парень, залезая на верх телеги, где перевозили товары, — тут тоже может что-то быть.

— Ну, может, раз такое дело, познакомимся? — Старик двинулся к телу одного из стражников и поднял с земли старенький арбалет. Резная рукоять, стальная дуга и тетива из конских жил. Это было добротное, пусть и старомодное оружие. Оно ему сразу же приглянулось.

Девушка его предложение проигнорировала. Она явно не была заинтересована в новых знакомствах.

— У имен большая сила, — проговорил парень, — негоже их сеять, как рожь.

Старик пожал плечами.

— Я — Томас. Трегар по отцу.

— Алиса. — Если бы девушка в этот миг не стягивала сапоги с трупа, то можно было бы сказать, что ее имя прозвенело в воздухе нежной мелодией.

— Ну ежели все признались, то мне и подавно следует... — Парень неловко улыбнулся. — Эрик, сын Эрика.

— Ну а взяли вас за что? — поинтересовался старик.

Алиса подняла на него свой раздраженный взгляд.

— Я покалечила кучу народу. В том числе тех, кто задавал глупые вопросы.

В ее голосе была слышна надменность, свойственная только людям аристократической породы.

— А я простой крестьянин, — сказал Эрик, — а еще немного ремесленник.

— На каторге «простых» не бывает, — пояснил старик, — чего такого ты натворил?

— Да год был неурожайным, — пожаловался парень. — Не захотел, чтобы пацаны мои голодали, вот и стал приторговывать на стороне.

— Чем? — вклинилась в беседу девушка.

— Незаконным, — просто ответил крестьянин, а затем обратился к старику: — Ну а ты сам?

— Вор, — честно ответил тот, — связался не с теми ребятами и вляпался в большую игру.

— То есть ты разбираешься в... — заговорил Эрик, но вдруг запнулся, будто следующие слова комом застряли в его горле. Прикрыв на секунду глаза и как бы переборов себя, он продолжил немного иным тоном: — ...В том, что нам предстоит сделать?

— А ты уже за всех тут решил, что мы будем дрессированными собачками этого Лэнгли, — усмехнулась аристократка.

— Ну а что нам остается делать? — пожал плечами крестьянин.

Девчонка заглянула ему в глаза, и, кажется, между ними двумя пробежала недобрая искра.

— Я не разбираюсь в убийствах, если ты об этом. — Томас ответил на заданный вопрос, затем добавил: — Но я сведущ в тонком искусстве обмана и жизни теней. Когда дело касается плаща и кинжала, мне куда ближе плащ, нежели кинжал.

— Неужто ручек не замарал ни разу? — усмехнулась Алиса.

— Было дело. Но я отнимал жизнь только тогда, когда не оставалось другого выбора.

— А что ты? — обратилась девушка к парню. — Трупов не обираешь, да? Но ведь приходилось... убивать?

Эрик помрачнел. На вопрос он ответил молчанием.

— А ты? — спросил ее Томас. — Убивала?

— В бою, — ответила она совершенно серьезно, глядя ему в глаза. — И еще... я собираюсь кое-кого убить.

— Тоже в бою?

— Можно и просто так. Главное — отнять жизнь у негодяя.

— Так! — Вор потер переносицу. — С нашими личными проблемами можно разобраться позже. Сейчас мы в одной лодке, и действовать надо сообща. Все согласны?

Эрик на секунду поднял глаза и заглянул будто прямо в душу Томасу. Затем он вновь отвернулся. И хотя крестьянин ничего не сказал, старику показалось, что тот не против того, чтобы работать вместе.

— Да мне плевать, — пожалла плечами Алиса, — пока ты, дедуля, все-таки не решишься взяться за кинжал и воткнуть мне его в спину, у нас будет взаимопонимание.

— Хорошо. Мы будем делать то, что нам сказал этот тип? — Томас продолжал импровизированное совещание.

— Я никого убивать не буду, — Эрик, как обычно, был краток.

— Но ты не против, если кто-то из нас это сделает? — спросил вор и посмотрел на аристократку.

Крестьянин только пожал плечами.

— Слушай, старый, а про меня ты не забыл? А то ты тут, по-хоже, сам все решил, — возмутилась Алиса.

— Я почему-то не думаю, что твой план отличается от моего.

Брови девушки поднялись вверх, на ее лице отобразилась смесь удивления и злости.

— Мы пойдем к лесопилке и побеседуем с теми ребятами, которых нам поручено убить, — продолжил старик. — При первой же возможности оглушим их и заберем документы с деньгами. Если будут рыпаться — ты пустишь им кровь. Затем мы двинемся к Кретчу. У нас в запасе до двух недель, пока наши портреты с гонцом не придут туда. К тому же это большой город, и там будет легко затеряться на какое-то время. Нам не составит труда залечь на дно, особенно с золотом в кошельке, а затем разбежаться.

Выражение лица аристократки изменилось. Похоже, она всерьез задумалась над словами старика.

— Что будем делать с Лэнгли? — спросила она.

— Выслушаем его предложение. Если нас что-то не устроит, ты сможешь скинуть его за борт парома.

Так, за разговорами, они собрали то, что могли, с телеги и убитых. Аристократка забрала себе только сапоги и широкий плащ возницы, в то время как вор целиком переоделся в обла-

чение одного из стражников. Крестьянин, как и говорил, не стал трогать трупов. В телеге он обнаружил отрез плотной ткани, из которой соорудил себе обмотки на ноги и некое подобие накидки. Все трое вооружились, чем смогли. К костюму стражника хорошо подошел арбалет и меч, а кроме того — нож возницы. Девушка, которая наверняка знала, как обращаться с огнестрельным оружием, прибрала себе к рукам оба пистолета. Судя по нескольким элегантным взмахам мечом — с ним она тоже умела обращаться. Парень не стал изощряться и взял из телеги молот, который, по всей видимости, предназначался для работ на каторге.

В телеге также имелись кое-какие припасы — вино, жесткий как камень серый хлеб и несколько кругов сыра. Едой нагрузили мула, спокойного, как вековое дерево. Животное было абсолютно безразлично ко всему происходящему вокруг.

Закинув тела в телегу и предав ее огню, беглецы двинулись вперед по дороге. Спустя примерно двести шагов они свернули на небольшую тропу, которой наверняка не заметили бы в темноте, если не знали, что она тут есть.

— И что мы будем делать, когда найдем тех... людей? — поинтересовался Эрик.

— Пустим им кровь, — пожалала плечами Алиса. — Если вы имеете что-то против, то я сделаю это сама.

— Не стоит торопиться... — задумчиво произнес Томас, а затем вдруг обратился к парню: — Эй, друг, посвети-ка мне на морду. Синяки под шлемом видно?

Крестьянин направил на него луч фонаря.

— Да нет, не очень, — сказал он.

Девушка тоже посмотрела на вора и вдруг выругалась.

— Что за?! — воскликнула она. — Что у тебя с лицом?

Томас вопросительно посмотрел на нее.

— Синяки, — выдохнула она коротко, — их нет.

— Ну да, — в голосе Эрика не было ни капли удивления, — это из-за воды.

Старик стянул с себя шлем и попытался рассмотреть свое лицо в отражении полированной металлической поверхности.

— Это вода с прозрачной солью. К тому же заговоренная, — объяснил крестьянин таким голосом, будто это было обычным делом.

— Откуда тебе знать? — В голосе аристократки зазвенела сталь.

— Лучше спроси, откуда такая соль у этого Лэнгли... — проговорил старик, все еще разглядывая кривое отражение своего лица. Казалось, он даже стал чуточку моложе. — Она вне закона и стоит целое состояние... а я вылил ее себе на голову.

Впервые на лице Алисы появилась какая-то неуверенность.

— Так что, мы будем ему помогать? — спросила она.

— Поможем себе, а там уж решим. — Старик вновь надел шлем. — Только для начала нужно проверить, не пытается ли он нас подставить.

Они вновь зашагали по тропе. Когда спустя несколько минут лес впереди начал светлеть, они погасили лампу и продолжили путь в темноте. Вскоре их взгляду открылась небольшая поляна, а на ней старое покосившееся здание, рядом с которым были свалены многочисленные бревна.

Томас подал знак остальным, чтобы они остановились и не шумели.

Алиса

Перед домом стояли двое. В тусклом свете Шпиля было сложно что-то различить, но почему-то Алиса была уверена, что это мужчина и женщина. Старый вор приказал ждать, и девушка не видела причин поступать ему наперекор. А их третий спутник лишь буркнул что-то про какую-то монету и что, дескать, у нее две стороны, после чего ушел в лес. Девушка не могла сказать точно, но скорее всего, парень решил обойти лесопилку с другой стороны.

Спустя какое-то время мужчина ушел внутрь дома, а женщина осталась снаружи.

— Оставили постового, молодцы... — похвалил их Томас. — А так можно было бы запереть выходы и угрожать поджечь дом, пока они не сдадут оружия.

— Неплохая идея, — отметила Алиса.

— Да, но они не настолько глупы.

— И что будем делать?

— Импровизировать.

— Как в театре? — спросила Алиса. Раньше это слово ей встречалось только там, и она не до конца понимала, что оно означает.

— Как в театре, — кивнул старик, а затем добавил: — Накинь капюшон, встань за мулом и держи руки на оружии. Когда пойдем — зажги фонарь.

Томас быстренько поправил все ремешки на своем костюме стража и двинулся вперед. Его походка и выправка тут же стали совсем иными. Он был и правда как актер на сцене. Алиса зажгла бычий глаз и последовала за ним. Приближаясь к лесопилке, она сумела наконец разглядеть дозорного. Это действительно была женщина — немолодая, но красивая, она была облачена в практичный дорожный костюм. На поясе у нее висел массивный пистоль и длинный нож. Женщина даже не скрывала оружия. Когда стало ясно, что двое стражников с мулом идут в их сторону, она встала.

— Чем могу помочь? — спросила их женщина чересчур громко. Без всякого сомнения, те, кто был внутри лесопилки, теперь знают, что снаружи кто-то есть.

— Добрый вечер, мисс... — произнес Томас не своим голосом.

— Мэм, — поправила его женщина.

— Прошу прощения, мэ-эм, — извинился старик, — скажите, вы путешествуете одна?

— Нет, со мной мой сэра и мой муж, его оруженосец.

— Могу я поинтересоваться именем вашего сэра, мэ-эм? — Томас продолжал медленно двигаться в сторону женщины.

Алиса же тем временем, как он ей и сказал, стояла за мулом.

В свете фонаря можно было хорошо различить их движения. Алисе казалось, что между женщиной и стариком завязалась какая-то интеллектуальная битва. Томас не держал рук на оружии, и его собеседница тоже, но стоило его руке оказаться хоть чуточку ближе к рукояти клинка, ее рука тут же оказывалась ближе к пистолю.

— Почему вы интересуетесь? — спросила незнакомка вместо ответа.

— Дело в том, мэ-эм, что мы ищем здесь троих каторжников. Они бежали этой ночью, совсем недалеко от этого места, и есть основание полагать, что сейчас они где-то в районе этой лесопилки.

— За этот вечер мы не встретили никого, кроме вас.

— И все же я бы хотел настоять на том, чтобы вы позволили нам осмотреть здание, мэ-эм. — Старик был уже на непристительно малом расстоянии от женщины.

— Это уже решать моему сэру.

— Вот именно поэтому я и интересовался его именем... — Томас развел руками.

В тот же миг женщина выхватила пистоль и спустила курок. Но к тому моменту, как громыхнул выстрел, Томас уже успел отвести ее руку в сторону и нанести женщине несколько быстрых ударов в живот. Он даже не выдернул с пояса оружия. Женщина выпустила пистоль и отшатнулась назад. На белой рубашке проступила кровь. Из живота у нее торчал гвоздь.

В тот же миг открылась дверь лесопилки, и наружу показался мужчина с мечом наперевес. Алиса выхватила свой пистоль и сразу же выстрелила. Пуля угодила куда-то в корпус, но мужчина даже не шелохнулся. Быстрым, уверенным шагом он направился к Томасу.

— Ах ты мразь! — крикнул он. — Отойди от нее!

Того, что происходило дальше, Алиса не видела. Ей нужно было быстро достать второй пистоль и меч, а еще обойти мула, который, несмотря на выстрел, даже и не подумал сойти с места.

Когда девушка вновь взглянула на лесопилку, Томас уже отражал неистовые удары мужчины, сжимая в одной руке меч, а в другой — нож. Женщина упала на землю и, похоже, уже была не способна принимать участия в драке. Алиса решила для себя, что подойдет поближе и прострелит мужику голову вплотную, но в этот момент из дома показался еще один человек. Его огромная, почти двух метров роста, туша была закована в полный доспех. Похоже, женщина не шутила, называя одного из своих спутников сэром, — это и правда был рыцарь. В руках он сжимал меч, клинок которого был, наверное, раза в полтора шире ладони, а по длине не уступал росту владельца.

— Мать моя женщина... — выдохнула Алиса. Пробить такую броню, она знала точно, ни ее пистолем, ни мечом — невозможно.

Рыцарь двигался очень быстро, даже несмотря на тяжелый доспех. Видать, силы в нем было немерено. Он занес меч для удара, уже было собирался его опустить, как в этот момент что-то сзади звякнуло по его доспеху, и рыцарь оступился. Алиса, выдерживавшая все это время позицию, рванула вперед и вонзила свой клинок в сочленение пластин на обратной стороне локтя рыцаря. Удар был выверенным и точным, одна из рук, сжимавших меч, ослабла, и клинок опустился к земле.

Когда звон позади рыцаря раздался вновь, Алиса уже сумела различить Эрика. Тот изо всех сил бил по доспеху своей кувалдой. На третий такой удар гора железа все же рухнула. Крестьянин с некой долей удивления взвесил на руках свое оружие, а затем накрыл рыцаря еще одним ударом.

— Я помогу старику, — произнесла Алиса, и Эрик лишь кивнул в ответ.

Девушка развернулась как раз вовремя. Томас явно проигрывал в поединке. С него уже слетел шлем стражника, который был явно не по его голове. На доспехах были видны следы от пропущенных ударов. Нож возницы валялся где-то в стороне, и вору приходилось отбиваться от нападков врага, сжав рукоятку короткого меча двумя руками. Казалось, что иначе он его просто не удержит. Старик выдыхался. Его осанка куда-то исчезла, а лицо покраснело и покрылось потом. Противник все так же был в ярости — он наносил резкие, бездумные удары, стараясь выбить клинок из рук Томаса. Очередной удар оказался особенно сильным. Мужчина заорал, нанося его. Сталь сверкнула в свете фонаря, раздался звон, и вор рухнул на землю. Мужчина истерически захохотал и занес свое оружие, чтобы добить врага. Но его смех прервал хлопок выстрела. Голова мужчины буквально взорвалась, осыпая все вокруг своими кровавыми ошметками.

Алиса убрала пистоль за пояс.

— Живой? — спросила она у Томаса.

Тот попытался что-то сказать сквозь тяжелое дыхание и кашель, но девушка не разобрала ни слова. Она подошла поближе и, проверив, все ли у него в порядке, подхватила с земли арбалет.

— Он все не понимает! — раздался у нее из-за спины голос крестьянина.

— Иду! — выкрикнула Алиса в ответ, быстро натягивая тетиву.

Когда повернулась обратно к рыцарю, она увидела, что тот, все еще лежа на земле, одной рукой ухватился за кувалду, а второй пытается достать Эрика. На доспехе уже было порядка двух десятков вмятин, но это, похоже, совершенно не беспокоило его владельца.

— Да уймись же ты! — кричал Эрик, пытаясь вернуть себе кувалду.

— Сейчас, сейчас. — Алиса подошла к рыцарю и, приставив арбалет к его шлему, отправила болт сквозь глазницу. — Вот и успокоился.

Алиса с облегчением выдохнула лишь затем, чтобы услышать за своей спиной женский крик. Она резко обернулась и увидела, как раненая женщина с ножом в руках бросается на старика. Доли секунды. Она прыгнула на него, а он выставил перед собой меч. Лезвие прошло насквозь через грудную клетку. Женщина лишь харкнула кровью и тут же перестала двигаться. Ее уже мертвое тело спустилось ниже по клинку и упало на Томаса.

— Какая же ты тяжелая, — прокряхтел тот, пытаясь сбросить с себя труп.

Все было кончено.

— Мы... — вдруг с дрожью в голосе произнес Эрик, — ...мы их всех убили?

— Я их всех убила, — с усталой и одновременно взволнованной улыбкой на губах произнесла девушка то ли из гордости, то ли в попытке подбодрить своего новоявленного брата по оружию. — Ты помог, но... — Она вдруг посмотрела на старика, который все еще не выбрался из-под привалившей его женщины. — Иди, помоги дедуле встать.

Крестьянин кивнул. В его глазах читалось какое-то облегчение, но все равно он явно был на взводе. Алиса тоже была взволнована, но такое состояние было для нее привычным. Она четко знала, как использовать огонь, горящий у нее в крови после битвы. Надо было действовать, и действовать быстро.

В первую очередь она забежала в дом и убедилась, что внутри больше никого нет. Похоже, тут Лэнгли был с ними честен. Затем она спешно вернулась к рыцарю и начала снимать с него доспех. Нельзя было позволить стали испортиться от крови. Из-под шлема показалось изуродованное лицо, черты которого было сложно разобрать после выстрела. Мужчина был бородат, и это все, что девушка сейчас могла о нем сказать. Избавившись от застежек брони, она сняла верхние пластины и откатила рыцаря в сторону. Одновременно мускулистое и жирное тело оказалось, к удивлению Алисы, практически лишено характерных шрамов. Кем бы этот тип ни был — он не участвовал ни в турнирах, ни в настоящих сражениях.

Рядом с ней прошел Эрик. В руках у него были походные мешки.

— Что ты делаешь? — удивилась Алиса.

— А ты?

— Я... — Она на секунду задумалась, а затем повторила с нажимом в голосе: — Что ты, во имя всего светлого, творишь, я спрашиваю?

— Выношу их вещи из дома, прежде чем предать его огню, — совершенно спокойно ответил крестьянин. — Тебе придется помочь мне затащить здоровяка внутрь.

Аристократка встала, выпрямилась в полный рост и посмотрела на него со всей той властностью, что была в ее взгляде.

— А спать мы где будем, умник? — спросила она громогласно.

— Ну не в доме с неуспокоенными мертвецами — это уж точно. И не в доме *рядом* с неуспокоенными мертвецами.

— Я... — Алиса обернулась, чтобы найти поддержку в лице старика, но увидела того сидящим возле стены дома, там, где его усадил парень. У вора, похоже, не было сил даже встать. Кажется, он уже дремал.

— Ты, наверное, хочешь копать им всю ночь могилы? — спросил Эрик.

Девушка не нашла что сказать.

Парень кивнул ей и уже было продолжил заниматься своими делами, но вдруг остановился и посмотрел на нее пристально. Она ответила ему тем же. Казалось, крестьянин испытывает ее. Было в его взгляде что-то сильное и осуждающее, что затрагивало самые потаенные страхи в душе аристократки. Так же на нее когда-то смотрел отец. Алисе стало не по себе.

Слова будто сами вылетели у нее изо рта:

— У нас теперь есть походное снаряжение. Разобьем лагерь дальше по дороге на Кретч.

Крестьянин кивнул:

— Ночь еще молодая.

Эрик

Эрику не нравилось все происходящее. Очень не нравилось. Но разве у него сейчас был иной выбор, нежели следовать за своими куда более опытными спутниками? И старый вор, и аристократка, похоже, были компетентны в плане разного рода авантюр. Эрик был привычен к жизни крестьянина, жизни на своей земле, в безопасности родных стен и родной

деревни. И в этой жизни не было места ни убийствам, ни дерзким побегам, ни... Парень даже и не мог предположить, какие ужасы его ждут впереди.

Он поджег лесопилку. Не веря в то, что это его руки держат горящий факел, он подпалил сухое сено, облитое керосином. Огонь вспыхнул ярким пламенем и в один миг перекинулся на стены старого дома.

В стороне от пожара раздалось лошадиное ржание. Алиса и Томас держали под поводья лошадей, которые когда-то принадлежали убитым путникам. Весь новообретенный скарб уже погрузили в седельные сумки. Признаться, рыцарь и его слуги почти и не разгружали лошадей, когда остановились на ночлег. Так что грабеж оказался делом совсем простым. Взяв одну из лошадей под уздцы, Эрик в очередной раз ужаснулся происходящему. Надо же, грабеж. До чего он докатился!..

Должно быть, на его лице в свете полыхающей лесопилки сейчас отразились лишь тени тех эмоций, что жгли изнутри.

Вскоре Томас и Алиса привычными движениями забрались в седла, и парень, внимательно пронаблюдав за ними, последовал примеру. Конечно, он умел ездить на спине лошади. Просто куда привычней было бы запрячь ее, скажем, в плуг или телегу. По собственному мнению, крестьянин не обладал нужной для верховой езды ловкостью.

Эти двое о чем-то беседовали, но Эрик их не слушал. Его куда больше интересовало животное, которое так любезно пустило его на свою спину и сейчас несло вдоль полузаросшей лесной просеки. Кобыла была рада тому, что теперь на ней восседал не рыцарь, облаченный в тяжелые латы, а обычный, среднего веса мужчина. Поначалу она беспокоилась — запах наездника и его движения были непривычны. Но это беспокойство прошло, когда его мозолистые руки коснулись загривка. Эрик умел успокаивать животных. Это не было каким-то особым даром, просто он чувствовал вещи, недоступные другим. Он слушал животное и действовал соответственно тому, что слышал. Лошадь уже устала от дальней дороги. Она несла своего тяжелого наездника уже не первый оборот Шпиля. Город, в котором ее продали, стоял на проточной воде. Кем бы ни были покойные — они путешествовали из дальних стран.

Эрик озвучил эту мысль своим спутникам.

Две пары глаз устремили свои возмущенные взгляды на него. Похоже, он заговорил прямо посреди их беседы. Крестьянин вернул свой взгляд на дорогу.

— А я думаю, он прав... — донесся до Эрика обрывок разговора. Говорил старик.

— И что с того? — отвечала девушка.

— А то, что навряд ли их тут кто-то знает в лицо...

— Ты хочешь сказать, что идея выдать себя за них не лишена смысла?

— Именно! Единственная проблема...

Дальше Эрик не слушал. Ему в какой-то степени было приятно, что его догадка как-то помогла, но в куда большей степени он не хотел принимать дальнейшего участия в разговоре.

Вскоре Шпиль скрылся за облаками, и ночь стала совершенно непроглядной. Было решено остановиться и все-таки устроиться на ночлег. Собирая хворост, Эрик раз от раза обращал свой взгляд к тому месту, где не было видно Шпиля. В такие моменты, когда он был скрыт от взгляда Высших, крестьянину почему-то дышалось легче.

Шпиль — это странная вытянутая конструкция, извечно зависшая над горизонтом и совершающая путь вокруг небосклона каждые тридцать дней. Его серебристая поверхность была хорошо различима в темное время суток. Днем контуры Шпиля можно было увидеть лишь на самом безоблачном небе. Когда же наступала ночь, его тонкая поверхность начинала излучать серебристо-синий свет, рассеивая тьму. Шпилю часто молились путники, так как тот всегда указывал им верное направление. Другие молились не самому Шпилю, а Высшим — древним богам-волшебникам, которые, согласно легенде, воздвигли его до начала времен. Это был их храм, их цитадель. С него они неустанно наблюдали за людьми и осуждали их за неблагие поступки. Шпиль был единственной дорогой в царство мертвых, и после смерти каждый должен был предстать перед Высшими и их бесстрастным судом.

Эрик всем сердцем надеялся, что последние пять-шесть часов у Высших было какое-нибудь важное занятие, и они смотрели совсем в другую сторону. Иначе ему придется придумать всему тому, что он натворил, серьезное оправдание. Пока никаких путных мыслей на этот счет в голову не приходило.

Томас

Спустя какое-то время, когда зарево пожара скрылось позади них, путники решили остановиться. Пока Алиса обустривала лагерь, а Эрик разводил костер, Томас наконец-то выкроил минутку, чтобы отдохнуть и немного посидеть в спокойствии. Его старые кости, хвала волшебной фляге Лэнгли, только-только успели отойти от жесткой тряски в телеге и предшествующих ей побоев, как вновь на них обрушилось испытание. Бой вымотал старика так, что он смог встать лишь с великим трудом и посторонней помощью. Его несчастная спина ныла уже тогда. То, что с ней сотворили эти несколько часов в седле, вообще не поддавалось никакому разумному описанию. Больше всего на свете Томас мечтал оказаться сейчас в теплой постели, в какой-нибудь гостинице. В былые годы он обычно добавлял к этой мечте крутобедрую девицу, но теперь, в сединах, из всего связанного с постелью, что его интересовало, — это крепкий сон на мягкой перине.

Дабы не казаться своим спутникам лентяем, он, отдышавшись, начал обшаривать сумки. Спустя совсем недолгое время на лице Томаса проступила хитрая улыбка. Хорошо, что именно он занялся этим делом. В каждой сумке, в каждом мешочке, в каждой шкатулочке — везде было двойное дно. Наметанный глаз старого вора тут же подмечал несоответствия и странности, находил искусно скрытые карманы. Где-то в шов была запрятана игла, Томас не сомневался, смазанная ядом. Где-то под каблуком прятался маленький ключик. Где-то в мягкой подкладке прятались плотно свернутые листы дурман-травы. Старик обнаружил по меньшей мере сотню золотых перстов — монет, принятых к обращению в гегемонии Многоречья, а еще целый ворох различных документов.

— Я, кажется, знаю, почему они нас атаковали... — произнес он задумчиво, скорее самому себе.

— Потому что у тебя на роже написано, что никакой ты не стражник? — ухмыльнулась Алиса, ставя котелок на костер.

— Потому что это не простые ребята, — пояснил вор, — а такие, которым проще убить человека, чем выдать ему какую-то информацию. Скорее всего, никто не должен был знать, что они ночуют именно тут.

— Лэнгли знал, — вставил свое слово Эрик.

— Вот именно. Возможно, они знали, что он знает.

— А не слишком ли это все сложно? — Девчонка, пожалуй, относилась к его словам с определенной долей скептицизма.

— Поверь мне, человек, который носит с собой *такое*, — старик продемонстрировал иглу, — склонен все усложнять.

— Что это?

— Это игла... — пояснил Томас. — Одного ее укола хватает, чтобы человек тихо помер минуты за три. Такими редко убивают других, гораздо чаще... себя.

Эрик бросил на иглу такой взгляд, что стало понятно: у крестьянина от одного ее вида беспокойно на душе. Томас зажал иглу меж пальцев и со щелчком отправил ее в полет куда-то в сторону леса.

— По нужде в ту сторону не ходить, — улыбнулся он.

— Что еще ты нашел? — спросила Алиса. В ее голосе хоть и была уже привычная надменность, теперь появились нотки уважения.

На свет показалась пачка бумаг. В ней было три путевых паспорта. Такие документы выдавались торговцам и путникам, которые собирались в дальний путь, — как правило, знатным особам или их приближенным. В них указывались имена и социальный статус владельцев, а также прочая информация, важная для разного рода бумагомарак. Конкретно эти три паспорта, судя по печати, были выданы в далеком южном Многогочье. Томас вдруг вспомнил те чудные ночи, что он провел на узких улочках речной столицы, гуляя по бесконечным мостикам и меж высоких каменных домов, чтобы затем встретить рассвет на крышах города. Тогда, в погоне за сердцем дочери одного из правителей города, вор почти забыл, что прибыл в Многогочье ради его казны.

Первый документ гласил: «Сэр Эдмунд Джерард Денерим, рыцарь, чемпион турниров при Четырехустье, Златокопье и Орлином Клюве, носитель печати гегемона Многогочья». Печать была красного сургуча, и из нее свисали три тонкие голубые ленточки — свидетельство высокого положения его владельца в обществе.

— Смешно, — коротко и жестко сказала вдруг Алиса, — мужик он, конечно, был крупный и сильный, но в турнирах не участвовал. Шрамов у него нет.

Томас лишь на секунду засомневался в ее словах, а затем вдруг осознал, что, скорее всего, девчонка, коли уж она и принадлежит к какому-то аристократическому роду, могла

кое-что смыслить в турнирах. Вполне вероятно, она даже помогала выхаживать раненых на соревнованиях мужчин.

Другие два паспорта были куда проще, а содержание их — короче.

«Феон-Луис Арчи, эсквайр», — гласил первый.

На втором было лишь имя: «Кристина Арчи», но к нему прилагалось свидетельство о браке. В кипе бумаг имелись и другие документы, но рассматривать их все в свете костра не было никакого смысла.

— Я так понимаю, нам предстоит какое-то время выдавать себя за этих людей? — то ли спросила, то ли подытожила Алиса.

— Думаю, что без этого нам уже не обойтись.

Девушка потянулась над костром и забрала у старика паспорт Кристины.

— Кем будешь ты, — вор обратился к Эрику, — рыцарем или его сквайром?

Крестьянин какое-то время непонимающе смотрел на него, а затем изрек:

— Ну какой я, к Скверне, рыцарь?

— Нет, нет, — Алиса покачала головой, — я, конечно, не слышала о турнирах, где наш мертвый друг стал чемпионом, но они не могли проходить больше чем пять лет назад, это точно. Ты уж прости, Том, но, будь ты рыцарем, твои турниры кончились бы лет эдак десять—двадцать назад.

— Логично, — согласился старик и взглянул на парня.

— Я не... я же... — Крестьянин быстро переводил взгляд с Томаса на Алису и обратно, ища хоть в ком-то из них поддержки. Похоже, он понял, что ему предстоит. — Я же не могу быть рыцарем! Я же... я же даже читать не умею! Да и оружие! Рыцари носят оружие, а я, окромя колуна да молота, ничего не знаю! Да вы что!

Он вскочил с места и начал ходить из стороны в сторону, запуская пальцы в нечесанные волосы. Лишь спустя несколько минут он наконец-то успокоился и остановился возле костра.

— Так что, — спросила его Алиса, — ты согласен?

— Пацаны мои, когда узнают... что папка их рыцарем хоть один денек побывал, да настоящим мечом помахал... — Он улыбнулся как-то глупо и сел обратно. — Да они же обалдеют. Мужики потом все меня на смех поднимут...

Томас хмыкнул. Похоже, парень не понимал, что больше никогда не увидит своей семьи...

Они поужинали припасами убитых путников — вяленые мясо и овощи с зерном разварили в котелке. Томас предложил добавить специй, которые обнаружили в небольшой деревянной шкатулке. В ней было с сотню маленьких отделений, которые содержали разнообразнейшие травы и бутылочки, но Эрик, принявшись к ним, сообщил, что лучше эту шкатулку убрать подальше. Никто не стал с ним спорить. Похлебка получилась довольно пресной, но от этого не менее вкусной. Беглые каторжники были всем сердцем рады даже такой простой еде. Краюху каторжного хлеба разрезали коротким ножом сквайра, так же поступили и с сыром. Котелок передавали по кругу, и когда Томас поел, он откупорил один из кувшинов с вином. Жидкость была кислой, неприятной на вкус и вязала язык, но это было лучшее, что он пил за много недель.

Первым доел крестьянин — он так орудовал ложкой, будто это была его последняя трапеза. Старику приходилось все тщательно прожевывать. Зубы у него все еще были хорошими, а вот пищеварение — паршивым.

Эрик протянул руки к огню и начал негромко насвистывать себе под нос какую-то мелодию. Внезапно для всех Алиса улыбнулась и начала тихо подпевать. Голос у нее был нежным, не в пример ей самой. Томасу понадобилась пара куплетов, чтобы тоже вспомнить песню. Он тоже улыбнулся. Это была старинная баллада «Гимн Беглецов».

Закончив нехитрую трапезу, старик лег спать поближе к костру, прячась от прохладного ночного ветра в шерстяное одеяло. Его примеру последовал и крестьянин, который, похоже, нуждался не столько в физическом отдыхе, сколько в духовном. Аристократка осталась дежурить. В иное время вор постарался бы не спускать с нее глаз — девчонка была слишком себе на уме, — но сейчас у него попросту не было сил. «Если она и прирежет меня во сне, — подумал он, — то я хотя бы отойду в мир иной отдохнувшим».

Проснулся Томас, когда в ветвях деревьев уже заиграли первые лучи солнца. Алиса спала на противоположной от него стороне костра, прижимая к себе меч в ножнах. Эрик же сидел рядом, опустив голову на грудь и тихонько похрапывая. Видимо, он сменил девушку на дежурстве, но отсидеть положенных часов не сумел.

Старик лишь улыбнулся и медленно встал. Кости его ныли, но уже не так страшно, как вчера. Не став будить своих

компаньонов, он отправился в лес, чтобы слегка размяться. Ни ягод, ни грибов в лесу не нашлось, зато в небольшом отдалении от их лагеря обнаружилась речушка, скорее даже ручеек. Встав на колени, он зачерпнул ладонями холодной воды из потока и отпил. Вода обжигала, как та, что он пил из фляги Лэнгли, и подобно ей уносила боль. Сделав еще несколько глотков и умывшись, Томас вдруг осознал, что этот ручеек — один из многочисленных притоков большого Кретчийского озера. Сам поток был чист и невинен, но озеро, в которое он впадал, чувствовалось старику совсем иным. Он не мог ни понять этого чувства, ни даже описать его, но почему-то знал, что и озеро, и город, стоящий на нем, очень сильно изменились за последние годы, наполнились тьмой и злобой, страданиями и горем. Ему стало не по себе от этого ощущения, и он, набрав флягу, решил поскорее вернуться в лагерь.

Внезапно что-то зашевелилось на другом берегу ручья, в кустах. Томас пригляделся и увидел маленькое существо с глазами цвета янтаря. Заметив взгляд человека, существо тут же шмыгнуло глубже в заросли. Ему не удалось рассмотреть животное, но ничего подобного старик точно еще не видел. В любом случае оно было слишком маленьким, чтобы представлять серьезную опасность.

Когда Томас вернулся, все уже проснулись. Алиса доедала остатки вчерашнего пиршества, а Эрик возился с бритвенным набором. Томас присоединился к нему, естественно сообщив всем об обнаруженном источнике воды.

Пока девушка отправилась искупаться, мужчины решили побриться. Парень выбрился начисто и еще подрезал свои волосы, а старик все же решил оставить усы и небольшую бородку. Серые космы он расчесал и собрал тонким кожаным шнурком на затылке.

Старые вещи, взятые с мертвых стражников и возницы, отправились в костер и на дно реки. Новые же — запасные вещи убитых путников — оказались всем впору. Одежда эта была по последней моде Многогоречья, по крайней мере так утверждала Алиса. На каждом элементе наряда имелось по сотне застёжек, шнурков и ремешков, которые позволяли с легкостью подогнать их по размеру хозяина. Конечно же, прежде чем девушка и парень решились прикоснуться к одежде, старик проверил каждый шов на наличие ядовитых игл.

Эрик, как оказалось, не испытывал антипатии к вещам, принадлежащим мертвецам, — только к тем, что были на них надеты в момент смерти. Они с Томасом разделили меж собой две пары запасных сапог сквайра и его одежду. Старик облачился в короткую кожаную куртку для выезда, а парню достался тонкий сюртук бежевой ткани, который явно носил куда более официальный характер. Поверх сюртука девушка навесила ему несколько защитных пластин, имевших, похоже, декоративный характер. Рыцарский перстень сэра Денерима был чрезвычайно массивным даже для крупных рук Эрика, и тому пришлось надеть его поверх кожаной перчатки.

Алисой из женской одежды отобраны только рубаша и корсет. Юбка была отринута в пользу мужских кожаных штанов и ботфуртов — иначе как бы ей скакать на лошади? Дополнял это все тяжелый шерстяной плащ с кожаной накидкой и глубоким капюшоном, который, если бы не шнуровка, висел на девушке мешком.

Доспехи, отчищенные Алисой за ночь от крови и грязи, было решено убрать поглубже в сумки. Характерные вмятины на них могли навести на ненужные мысли, да и к тому же носить их из всей тройки не смог бы никто.

Собрав лагерь, они выдвинулись в путь.

Глава 2 В ТУМАНЕ

Баррик

Баррик Хайн смотрел на внука и никак не мог понять, что творится у того на душе. Парень был одновременно мрачен и возбужден, все время смотрел куда-то в окно, выходящее на старый город. По улицам со стороны озера медленно плыл туман. Смешиваясь со смогом индустриальных районов, он образовывал странную неестественную дымку, будто обладающую своей собственной жизнью. Сквозь эту серо-желтую плену не было видно почти ничего, лишь смутно прорисовывались очертания ближайших домов. Но казалось, Сэм наблюдает через окно за чем-то очень важным, словно видит какое-то движение в тумане и хочет понять — что же это такое. Такой взгляд когда-то был и у его матери...

Они с внуком виделись нечасто. Сэм работал в порту и ложился спать глубоко за полночь, просыпаясь чуть ли не к восьмому часу утра. Такая роскошь была непозволительна его деду-садовнику. Чтобы ухаживать за растениями, нужно было просыпаться раньше, чем они, а значит — раньше солнца. Лишь изредка им двоим удавалось поужинать вместе. Сейчас как раз был один из таких вечеров. Мужчина преломил хлеб и передал краюху парню. Тот наконец отвел взгляд от окна.

— Спасибо, — сказал Сэм коротко, затем добавил: — Приятного аппетита.

— Как дела на работе? — поинтересовался Баррик, отхлебывая наваристого горохового супа из миски.

— Все так же. Ничего нового. Корабли приходят и уходят, мы их разгружаем и загружаем. Деньги обещали к середине недели.

— Хорошо.

— Опять немного... — пожаловался парень.

— Нам много и не нужно. — Голос деда похолодел. Он знал, какой разговор сейчас опять начнется.

— Ребята в порту говорили об особой разгрузке, для лорда Немезира...

— Никакой он не лорд! — выпалил мужчина и помахал ложкой. — Лорды были в старые времена, а эти — одни самозванцы.

— Потихе, или хочешь, чтобы за тобой пришли серые плащи? — Сэм рассмеялся. Для него плащи были просто страшилкой.

— Замолчи. Ты не пойдешь работать на этого проклятого вулуза. Пока я жив — не пойдешь.

— Но... — попытался спорить внук.

— Ты хоть представляешь себе, *что* они там перевозят? Колдунство всякое, контрабандную соль! Вот что. И ты знаешь, что тебе нельзя прикасаться к ней. Ведь знаешь? Мне ведь не нужно напоминать тебе, что случилось с твоей матерью?

— Да, дедушка. — Парень потупил взгляд и теперь смотрел на содержимое своей тарелки.

Кажется, на какое-то мгновение перед старым садовником опять сидел его юный внук, совсем еще маленький мальчик. Но на самом деле те времена давно прошли. Теперь перед ним сидел высокий и красивый молодой мужчина, а вовсе не дитя.

— Если ты хочешь зарабатывать больше, я могу устроить тебя в один из садов. Я уже со всеми не справляюсь. В посольство Гершена завезли семена пламецвета. Я высадил их на прошлой неделе, и уже показались первые ростки. Ты сам знаешь, какого ухода они требуют... может быть, мне поговорить с госпожой Амирой?

Сэм какое-то время молчал, а затем ответил будто не своим голосом:

— Думаю, можно попробовать.

— Это, конечно, не сад Фейрфакса...

— Вот именно! — выпалил Сэм, а затем, вдруг поняв, что поднял голос на деда, встал из-за стола и направился в свою комнату, на чердак. Остановившись на полпути, он произнес, даже не повернувшись к Баррику: — Прости.

Лишь когда захлопнулась чердачная дверь, садовник понял, какую страшную ошибку он совершил, понял, как оскорбил внука. Было сложно в это поверить, но мальчик до сих пор страдал из-за тех страшных событий, что произошли четыре года назад... Похоже, одно лишь название замка отозвалось болью в его душе.

Баррик так и не узнал, как погиб его сын. Он так и не узнал, почему на следующий день после этого им приказали покинуть замок. Тогда в это было невозможно поверить — их семья следила за садом Фейрфакса много поколений. Баррик был уверен, что мальчик знал, что тогда произошло. Но почему-то до сих пор он не рассказал ему. Возможно, именно поэтому слова о замке так обожгли Сэма.

Закончив ужин, Баррик убрал со стола, закрыл ставни, чтобы смог, уже поднявшийся на уровень второго этажа, не проникать в дом, и вдруг понял, что не сможет сегодня уснуть. Что-то внутри болело. Его мучил необъяснимый страх.

Послышался скрип на крыше дома. Баррик вздрогнул. Затем скрип повторился на внешней стороне стены, но после этого все стихло.

Баррик взял со стола одну из зажженных свечей и направился к комнате внука. На него вдруг нахлынуло беспокойство.

Что, если Сэм сбежал? Что, если он покинул дом, как когда-то сделала его мать, чтобы больше никогда не вернуться? Вдруг он тоже что-то почувствовал, и теперь...

— Я должен попросить у тебя прощения, — произнес он тихо, даже не надеясь, что внук его услышит. — Мне не стоило...

Дверь отворилась, и Баррик заглянул в комнату. Ему показалось, что там было пусто, и сердце его больно кольнуло. Но вот дрогнуло пламя свечи и неровным светом очертило силуэт юноши. Он стоял посреди комнаты и читал что-то написанное на клочке бумажки. Читал в полнейшей темноте. Показался и второй силуэт — черный ворон переминался с лапки на лапку, стоя на столе. Завидев Баррика, ворон крикнул и взмахнул своими широкими крыльями. Неожиданно мощный поток воздуха задул свечу, и когда садовник вновь зажег ее от спички — птицы уже не было, так же как и записки в руках внука.

— Что это было? — спросил Баррик.

— Ты бы мог устроить меня на работу в особняк Гирхарт? — вместо ответа спросил внук.

Садовник на секунду задумался, а затем произнес:

— Думаю, да...

— Завтра.

— Я даже не знаю...

Странное поведение внука пугало его.

— Завтра у меня свободный день, и я бы хотел поработать в саду, — вдруг произнес Сэм совсем другим голосом, спокойным и простым. — Я слышал, что особняк вновь заселили. Ты можешь мне помочь туда устроиться?

Баррик улыбнулся. Ну наконец-то его мальчик набрался ума-разума.

— Ну конечно.

Алиса

Озера они достигли только к вечеру. О приближении к воде возвещал густой туман. Его белое марево поднималось где-то вдалеке и постепенно, по мере движения, обволакивало путников со всех сторон. В какой-то момент Алиса поняла, что дымка простирается не только впереди, но уже и позади их маленькой группы. Воздух был горячим и влажным. Туман становился все гуще и даже окутывал ноги лошадей. От каждого их шага он приходил в движение — клубясь, извиваясь и вновь успокаиваясь. Как до этого исчезли очертания деревьев и небеса, исчезла и дорога, от нее остался лишь цокот копыт по старинной брусчатке. Вокруг царил туман и то странное свечение, что источала его неосязаемая поверхность.

В какой-то момент, когда Алисе уже начало казаться, что мир вокруг перестал существовать, впереди замаячил одинокий огонек фонаря.

— Бродячие огни, — буркнул Эрик, — пытаются завести нас в гиблое место.

— Давно мне не приходилось слышать такой глупости, — фыркнула девушка, хотя где-то внутри она с большим трудом смогла подавить испуг.

Постепенно, по мере их приближения, в тумане начали прорисовываться силуэты построек. Наверное, с дюжину косях избушек будто выросли тут из-под земли, уже покосившиеся и покрытые мхом. Алисе приходилось и до этого видеть нечто подобное — заброшенные рыбацкие деревни все на одно лицо. Даже несмотря на все старания ее отца, последние годы были очень тяжкими для его подданных. Теперь же, после того, что случилось... все, должно быть, стало еще хуже...

Где-то вдалеке гаркнул ворон, отвлекая аристократку от мрачных мыслей. Она бросила взгляд в сторону бродячих огней и обнаружила странного вида конструкцию, пришвартованную к каменистому берегу. Судя по всему, это и был паром. Большой газовый фонарь располагался на его борту. Яркий и ровный свет разгонял туман и резко очерчивал все детали. Паром был большим, сбитым из грубых досок и тонких листов железа. От лампы к баллону с надписью «Газ» тянулся шланг. Еще один шланг шел от баллона к двигателю. Конструкция парома была гротескной. Нельзя было понять, где у него нос, а где корма. Все было покрыто грязью, копотью, тиной, маслом, какими-то бурными пятнами... да и вообще лишь-Высшие-знают-чем.

Лэнгли возился с какими-то ящиками, перетаскивая их то ли на борт, то ли на берег. Он все так же был облачен в свою поношенную шинель.

— Как добрались? — спросил он вместо приветствия.

— Бывало и лучше, — чуть ли не простонал Томас. День в седле, похоже, доконал деда.

Лэнгли беспечно откинул ящик в сторону, и тот, ударившись о землю, раскололся. Складывалось впечатление, что с грузом он возился чисто ради развлечения, и сейчас оно ему наскучило. Жестом он предложил всем взойти на борт. Алиса и остальные спешили и, взяв лошадей под уздцы, последовали за своим новоявленным нанимателем. На борту было до-

статочно места и для людей, и для их скакунов, и даже для мула, которому Эрик дал весьма своеобразное имя — Морковка. Как оказалось, единственное, что приводило животное хоть в какое-то подобие радостного возбуждения, был вид самой обычной моркови.

Привязывая свою лошадь, Алиса следила за Лэнгли. Его движения, когда мужчина возился с двигателем, были уверенными — он явно знал, что делает. Но почему-то Алиса знала, что и сам паром, и весь груз — ему не принадлежат. Быть может, эти бурые пятна на досках — все, что осталось от предыдущего владельца? Девушка не знала, чего ожидать от их нанимателя, но для себя она решила, что не повернется к нему спиной и всю поездку будет держать руки на оружии.

Когда Лэнгли таинственными движениями запустил двигатель, тот сначала рыкнул подобно горному льву, а затем заурчал, будто котенок. Лошади испугались и попытались встать на дыбы, лишь мул сохранял свое неколебимое спокойствие.

Испугался и Эрик.

— Это еще что такое? Что это за колдовство?! — воскликнул он.

— Парень, ты никогда не видел мотора? — улыбнулся Томас.

Эрик попытался изобразить, что понимает, о чем идет речь.

— Изобретение местных умельцев, — снисходительно пояснил Лэнгли, направляя паром от берега, — газ добывают в Гершенских болотах, а сюда привозят реками в обход гор. С его помощью крутится турбина, и лодка плывет.

— Как ветер и мельница? — Крестьянин нахмурился.

— Какое удачное начало разговора! — Лэнгли хлопнул в ладоши. — Вот именно об этом я и хотел поговорить с вами.

— О том, что наш друг не видел никогда мотора? — спросил Томас.

— А ты видел? — парировал Лэнгли.

— Когда-то давно — да... но он работал на угле.

— Я тоже видела угольный мотор... то есть паровой двигатель, — вставила свое слово Алиса.

— Там, откуда вы родом, подобных вещей нет... и быть не должно. Здесь же их навалом. — Лэнгли сел на один из ящиков, старик и крестьянин устроились напротив него, Алиса же встала поодаль. Он продолжал: — Все новые технологии, будь

то огнестрельное оружие или газовый двигатель... все они пришли отсюда, из Кретча.

— Это как-то связано с тем, что делаем тут мы? — спросил Томас.

— Непосредственно. — Лэнгли щелкнул пальцами. — Сейчас я все объясню. Технологии всегда развивались в Кретче быстрее, чем в остальных местах. Я бы сказал, это оттого, что город всегда имел свойство привлекать умельцев и гениев. Тут впервые появилось множество изобретений, которые сейчас в ходу и в других метрополиях и баронствах. Например, газовое освещение улиц... — Лэнгли немного запнулся на этих словах. — Последние годы, как раз с начала правления архонта Нолана Гамельского Второго, технологии стали появляться как грибы после дождя... или как ростки на пепелище сгоревшего леса...

— Это никак не отвечает на мой вопрос, — нахмурился старый вор.

— Я еще не закончил. Пару лет назад в городе стали происходить загадочные убийства. Тогда этому никто не придавал особого значения, но в последнее время они участились. Стали погибать важные люди. В результате архонт впервые выступил на публике и пообещал, что с убийствами будет покончено. Для этого он нанял троих детективов из Многоречья, учеников знаменитого охотника за головами Мейса.

— Так это их мы... убили? — ужаснулся Эрик.

— Не их. — Томас покачал головой. Он, похоже, понимал, к чему клонит Лэнгли.

— Конечно, это были никакие не детективы. Да и знаменитый Мейс тут ни при чем. — Лэнгли развел руками. — Есть силы, которые не захотели упустить этот шанс, чтобы податься к архонту. Вы убили троих шпионов, которые собирались выдать себя за детективов.

— Это сложновато для меня. — Алиса потеряла виски.

Застучало в двигателе, и Лэнгли отвлекся на какое-то время.

Старик, девушка и парень переглянулись. Их диалог был молчалив, но всем сразу все стало ясно. Алиса была против сомнительного предложения Лэнгли, Томас, казалось, заинтригован, а Эрик не понимал ровным счетом ничего, но ему уже ничего и не оставалось, кроме как играть предложенную партию и идти за всеми.

Алиса медленно потянулась к ножу, вытащила его из ножен, но тут наткнулась на холодный взгляд Томаса. Сейчас был идеальный момент, чтобы атаковать Лэнгли, но старый вор покачал головой. В его взгляде девушка увидела и осуждение, и холодную уверенность. «Мы выслушаем его до конца», — будто говорил он, но убирать клинок девушка не стала.

— Отрежешь себе? — Эрик протянул ей солидный кусок вяленого мяса.

Алиса опешила от такой неожиданной смены настроения. Взяв свободной рукой за край предложенного угощения, она отрезала от него треть. Эрик отвернулся от нее и предложил мясо Томасу. Тот сначала взглянул на него с аппетитом, но затем отказался. Ему, кажется, все еще было нехорошо от дневного похода. Как раз в этот момент к ним вернулся наниматель. Эрик совершенно спокойно протянул мясо ему. Лэнгли улыбнулся, и в его руке появился небольшой метательный нож. Откуда взялся этот блестящий кусочек металла, Алиса так и не поняла, он просто появился в руке мужчины. Острое лезвие прошло сквозь мясо, как сквозь воздух, и вновь исчезло, а его владелец опять уселся на ящик.

— Вам надо пробыть в шкуре детективов всего полгода. Поищите убийцу, необязательно слишком усердно, разузнаете о том, на кого работали детективы, может быть, выполните кое-какие мои поручения. Я плачу десять золотых ликов за оборот Шпиля, — сообщил он, откусывая кусок мяса.

— Двадцать. — Томас откупорил кувшин вина, наниматель кивнул. И старик добавил: — Каждому.

— Плюс к тому я обеспечу вам безопасность от преследования. Ни один из ваших портретов не попадет в город, пока вы работаете на меня.

— Пока работаем — да. — Алиса ткнула в сторону Лэнгли пальцем. — А что потом?

— А потом я позабочусь, чтобы вы могли вернуться к своей нормальной жизни... или начали новую. Вы сами понимаете, какие деньги и какая власть стоят тут на кону. А с деньгами и властью нет ничего невозможного.

— Нам предстоит выдавать себя за детективов, — начал суммировать Томас, — и еще за шпионов... а кроме того, шпионить для тебя?

— Так точно.

— Какие же из нас детективы? — вздохнул Эрик.

— Такие же, как из тебя рыцарь. — Алиса наконец нашла в себе силы улыбнуться.

— Не совсем, — вдруг заявил Томас, — я много лет был по ту сторону баррикад от разного рода сыщиков. Если бы их методы работы были мне незнакомы, я попался бы куда раньше... Так что с этим проблем нет. Но я хочу знать, против кого мне предстоит работать. Кто послал этих шпионов?

— Я мало знаю о нанимателях тех троих бедолаг, — пожал плечами Лэнгли. — Все, что мне известно, — это то, что зовут себя они черными лампами...

И с последними словами Лэнгли ветер вдруг пришел в движение, разгоняя туман. Внезапно в ночи засверкали сотни, даже тысячи огней — все еще скрытые дымкой, они пылали подобно звездам. Это были огни города — свет окон и уличных фонарей. Со стороны озера были видны причал и торговая площадь, сейчас почти опустевшая. За ней улицы поднимались на холм, и можно было хорошо рассмотреть дома — высокие и узкие, сложенные в основном из камня и кирпича, а иногда из темно-красного гамельского дуба. На многих домах были вывески, а значит, жил в этом районе люд ремесленный или торговый. Огни поднимались и выше, растворяясь в остатках тумана и ночи. Их было так много, что становилось ясно — видна лишь малая часть этого величественного города.

По правую руку от рыночной площади возвышалось грандиозное строение серого камня, с прямоугольными, будто рублеными, башнями. Ощетинившаяся сотней пушек, эта машина была здесь, чтобы защитить от возможного вторжения устье реки, ведущее на север, в глубь города.

— Форт Мейсер, — сказал Лэнгли, уловив взгляд Алисы, и направил паром вверх по реке.

По правому борту в темноте вырисовались очертания строений не менее внушительных, но, конечно, не таких величественных, как форт. Это были здания красного кирпича, без видимых окон. Вместо пушек тут были трубы — вздымающиеся в небеса и смотрящие в реку. Те, что торчали вверх, извергали клубы дыма, а те, что шли параллельно земле, выливали в реку зловонные отходы. Запах был резким, он проникал в горло и оставался в нем едким осадком. Алиса прикрыла нос рукавом. По мере их движения запах становился только сильнее. Даже туман тут менял свой цвет. Он становился то ли желтым, то ли зеленым.

Левый берег реки, по которому они сейчас поднимались, представлял собой гранитную набережную, когда-то, наверное, бывшую прекрасной. Сейчас на ней громоздились уродливые склады и какие-то технические здания. Бронзовые головы львов на искусственном берегу уже почернели, а места вместо них зияли проломы.

— Индустриальный район, — Лэнгли указал направо, а затем налево, — и Старый город.

Вскоре и заводы, и склады оказались позади. Паром прошел под массивным каменным мостом и оказался перед устьем реки. Здесь туман был все еще в полной силе, и разглядеть берега было невозможно. Лэнгли направил паром по левому протоку, и в этот момент перед ними в тумане замаячил огонек. Со всем скоро во мгле проявились очертания небольшой весельной лодки. Та, груженная какими-то ящиками, двигалась им навстречу. В ней находился всего один человек.

Эрик тем временем был буквально зачарован работой мотора, а Томас, кажется, задремал. Только Алиса и Лэнгли видели человека в лодке. Тот был на веслах и сидел к ним спиной. Когда же их посуда приблизилась к лодке, мужчина обернулся.

Его глаза — один черный как смоль, а второй белый как жемчуг — буквально впились в душу Алисы. Она с ужасом смотрела на его опаленное, изуродованное огнем лицо и не могла отвести взгляда. Правая сторона этого человека была нормальной — он был немолод и по-своему красив. Но вся левая сторона его тела — не только лицо, но и рука, а возможно, и торс — была покрыта грубыми серыми шрамами и рытвинами. Быть может, Алисе это только показалось, но от опаленной кожи исходил пар, будто старые раны до сих пор объаты огнем.

Когда лодка, а с ней и опаленный человек исчезли в тумане, Алиса еще какое-то время смотрела им вслед.

— Ночь Цветов породила его, — вдруг сказал Лэнгли.

Алиса вопросительно посмотрела на него.

— Укрошенный людьми огонь взбунтовался. Все газовые лампы, подключенные к магистрали, начали взрываться, расцветая огненными цветами. В ту ночь погиб старый архонт... и половина города. Погибла и эта несчастная душа... Высшие отняли у него жену и двоих детей, но сохранили жизнь. Он получил свои ожоги, спасая их из огня. Бедный Ричард, он даже

не знал, что к тому моменту они уже задохнулись дымом. Смерть пришла к его близким во сне. Вышние спасли их от боли, чего нельзя сказать о нем самом. Огонь забрал у него все, а остального он лишил себя сам...

— Вы знали его? — робко спросила Алиса, впервые за долгие месяцы борясь со слезами.

— Когда-то он был капитаном городской стражи. Многие тут знают его историю.

Алиса хотела что-то сказать, но в этот момент паром остановился, пожалуй, слишком резко, и она чуть не упала, еле удержав равновесие.

— Подъем! — объявил наниматель. — Прибыли!

Эрик тут же вскочил на ноги, а Томасу понадобилось какое-то время, чтобы сбросить с себя оковы старческого сна.

Паром расположился возле набережной, которая в этом месте спускалась к воде. Лэнгли отошел от мотора, после чего быстро и ловко пришвартовался, используя трос.

— Вам нужно идти по Белой улице до Ремесленной площади, — произнес он, активно жестикулируя. — Пересечете ее и продолжите идти на запад, по Большой Гершенской. Там, почти у ворот, вы найдете постоянный двор «Отдых колдуна». У них есть конюшни и теплые постели. Пospите, наберитесь сил. Через пару дней я с вами свяжусь.

— Где наш задаток? — прокричал старый вор, поднимаясь на ноги.

— Ах да, конечно! — Лэнгли кисло улыбнулся, протягивая ему кошель с монетами. — Тут хватит на первое время.

Эрик уже отвязал лошадей, и, взяв их под уздцы, все сошли на берег. Морковка сам, без какой-то указки последовал за всеми.

Когда все сошли на берег, Лэнгли спешно отшвартовался и вскоре скрылся в тумане.

— Так что, мы остановимся в этом... «Отдыхе колдуна»? — спросил Эрик.

Томас широко улыбнулся:

— Ну конечно же... нет...

Сэм

Смог окутал Сэма, пока он двигался по Змеиному переулку. Даже ранним утром вонючий туман не отпускал этот, наверное, худший район в городе. Тут на месте пепелища, воз-

никшего после Ночи Цветов, вырос город-лабиринт, ныне населенный вулузами, кельдами и прочими иноземцами. Воры, проститутки, попрошайки и убийцы — это был их дом, и показываться здесь было чревато. Но юноша не боялся возможных грабителей. Он был молод, высок, плечист и невероятно силен. А самое главное — он знал о своей силе. Работая в порту, Сэм поднимал такие тяжести, которых другие и четвером от пола не оторвали бы. Не единожды к нему приходили люди и предлагали разного рода темную работенку, порой весьма настойчиво, но каждый раз он отказывался. Так было до прошлой недели, когда к нему за помощью обратился некий Лэнгли. Тому нужен был человек, сторонний криминальному миру, да такой, что смог бы прикрыть ему спину на важных переговорах. Этим человеком и стал Сэм. Он бы отказался от подобного заработка, но Лэнгли предложил ему не деньги, а нечто, от чего отказаться было нельзя. Он предложил ему информацию, ту, что парень искал вот уже четыре года. Сделка была заключена, а тем же вечером семеро мордovorотов получили по заслугам за попытку нарушить свою часть сделки. Четверых взял на себя юноша, а троих — его наниматель. Встреча окончилась именно так, как тот и ожидал. Но зачем ему были нужны отчеты о перевозке заключенных в прилегающих регионах — так и осталось загадкой.

— Тебя ждет великое будущее, — проговорил он, похлопывая Сэма по плечу.

Лэнгли исчез, так и не дав ответа на волновавший Сэма вопрос. Тогда он решил, что его обхитрили, но сегодня ночью, после ужина, в его комнату влетел ворон. Он принес записку, в которой была всего одна короткая строчка: «14 по Большой Гершенской, особняк Гирхарт, второй этаж, бежевая комната». Именно то, что ему обещал наниматель.

Сэм оставил записку у себя в комнате — в тайнике под половицей, а адрес запомнил. Сейчас он шел туда кратчайшей дорогой. Лишь единожды он столкнулся взглядом с кем-то из местных, но тот, завидев серп на поясе юноши, правильно рассудил, что лучше с ним не связываться. Со стародавних времен простому люду было запрещено носить оружие, и каждый ремесленник учился пользоваться своим инвентарем, чтобы защитить семью. Такова была традиция. Даже на войну порой ополченцы шли с вилами да топорами. Мясники владели ножами, кузнецы — молотами, и все это было грозным ору-

жием в умелых руках. Садовники, травники да пахари обучали своих сыновей тому, как драться с серпом и косой. Кому-то это оружие могло показаться и не очень-то опасным, но Сэм знал, какая в нем скрыта сила. Его собственный серп был выкован из толстой закаленной стали. Когда-то он принадлежал его дяде и был подарком от самого архонта Кретчийского за годы верной службы.

Змеиный переулочек оказался позади, и, выйдя на Ремесленную улицу неподалеку от котла ткачей, юный садовник направил свои стопы в сторону Скалы, к Ремесленной площади и Большой Гершенской улице. Немного поразмыслив, он свернул на Малую Гершенскую и преодолел остаток пути переулочками. Выглянув из-за каменной стены одного из домов, он наконец увидел свою цель. Особняк Гирхарт — старое здание, пустовавшее почти круглый год. Лишь изредка архонт предоставлял его уважаемым гостям города и их делегациям. Дом располагался на возвышенности, в непосредственной близости от Скалы. Это был трехэтажный особняк с садом и несколькими постройками.

Сэм быстро пересек Большую Гершенскую и направился к воротам. Они были слегка приоткрыты, и возле них стоял мужчина в необычной военной форме — он был при топоре, подобно обычному разбойнику, но его торс украшала красного цвета кираса, такая, какой молодой садовник еще никогда не видел. Поверхность доспеха была гладкой, матовой, на нем не было ни отличительных знаков, ни гербов, ни каких-либо еще символов. По мере приближения Сэма к воротам рука мужчины приближалась к топору.

— Эй! *Ку'да?* — резко спросил он. В его голосе чувствовался акцент иноземца.

— У меня рекомендательное письмо для управляющего, — произнес Сэм, вытаскивая свиток, который ему вручил дед.

— *Ре'комендательное?* — Охранник, похоже, не знал этого слова.

Сэм развернул свиток и продемонстрировал его содержание. Иноземец быстро пробежался глазами по строчкам, явно не понимая текста, но затем его взгляд коснулся архонтской печати.

— Да, да, — произнес он, — *про'ходи*.

Сэм лишь пожал плечами, попытавшись изобразить что-то напоподобие дружелюбной улыбки. Иноземец же всем своим

видом показывал презрение в смеси с усталостью и раздражением. И правда он был чем-то обессилен. Сэм подумал — дальней дорогой. Сапоги, брюки и короткий плащ мужчины были испачканы дорожной пылью, кроме того, от него разлило потом — мужским и лошадиным. Действительно, кто бы обрадовался дежурству у ворот сразу после утомительной дороги? Когда Сэм шел от ворот в сторону дома, чувствовалось, что охранник буквально буравит его затылок своим взглядом.

Впрочем, неприятная встреча тут же забылась, когда садовник оказался в родной для себя стихии. Прилегающую территорию к особняку можно было скорее назвать парком, нежели садом. Да, площадь была не такой уж и большой, но, с его точки зрения, это был именно парк. Узкие симметричные дорожки известковой брусчатки, ночью освещаемые газовыми фонарями, вели к беседкам и скамейкам. Между ними в идеальном соотношении стояли многолетние хвойные и лиственные деревья. Края тропинок обрамлял декоративный кустарник. Парк был очень небольшим, но чувствовалось, что высаживали его с любовью и настоящим мастерством. Сейчас, конечно, он находился в некоем запустении и успел немного одичать. Но если отнестись к этому маленькому миру с должным уважением, Сэм твердо знал, можно вернуть ему былое величие. Впрочем, он пришел сюда не за этим, что бы ни говорило письмо у него под курткой.

Вскоре Сэм оказался у дома. Он быстро осмотрелся — возле парадного входа расположились телеги и лошади. Несколько человек в красных льняных рубахах переносили в дом какие-то ящики. Похоже, Сэм верно угадал насчет дальней дороги. Двое мужчин в кирасах поднимали знамя над наспех установленным флагштоком. Знамя это было под цвет их доспехов и также не несло никаких отличительных знаков. Просто кусок ткани цвета крови.

Сэм направился в противоположную от них сторону — к двери для прислуги. В любом особняке ее было легко найти по многочисленным кухонным трубам, что проступали на крыше. К слову, дыма не было. Сэм подумал, что ему может повезти и он не встретит никого из слуг.

Дверь была открыта. Он проскользнул внутрь и тут же столкнулся взглядом с пожилым мужчиной. Тот был одет в поношенный сюртук, а на его крючковатом носу красовалось пенсне. Мужчина стоял склонившись над кухонным столом и

записывал что-то в большую амбарную книгу. Весь его внешний вид говорил о том, что это старший слуга в доме.

— Я могу чем-то вам помочь? — спросил он размеренным тоном, хотя в его взгляде читалось некое удивление.

Сэм выудил письмо и, пройдя по кухне, протянул его камердинеру, тот принял его и, развернув, внимательно изучил, после чего вернул юноше. На долю секунды на лице мужчины проступила улыбка.

— Сэм Хайн? Мое имя Роберто. Неделю назад, — проговорил он медленно, — я бы вас расцеловал. Внук самого Баррика Хайна в моей кухне! Видят Высшие, саду не хватало руки мастера, но теперь...

— Я понимаю... — попытался сказать Сэм, но камердинер его перебил:

— Сад вырубят, молодой человек. Уже ничего не поделаеть. Деревья выкорчуют и продадут на лесопилку за городом. Проклятые красные наемники... — Он вдруг нервно оглянулся, как если бы боялся, что кто-то может услышать его слова. — Я понятия не имею, чего от них хочет архонт, но теперь особняк принадлежит им. Сейчас я закончу опись и буду собирать вещи... так что... ваши услуги не потребуются...

— Вы позволите мне осмотреть дом? — вдруг выпалил Сэм то, что было у него на душе.

Роберто усмехнулся.

— Я тут уже не работаю. Все решают эти иноземцы. Вы можете спросить у них. По мне, можете хоть набить карманы столовым серебром.

Парень посмотрел на пожилого мужчину с пониманием во взгляде. Он знал, каково это — отдать дому часть своей души, чтобы затем, спустя полжизни, тебя из него вышвырнули. Он хотел было произнести слова сочувствия, но вместо этого спросил:

— Где бежевая комната? — При этих словах его рука будто сама легла на пояс, ближе к серпу.

Камердинер увидел этот жест садовника, и у него, похоже, тут же возникло четкое понимание того, что сейчас произойдет.

— Наверху. Третья дверь от большой лестницы налево, или пятая от лестницы для слуг, — сказал он, закрывая книгу и направляясь к выходу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Три огня	5
<i>Глава 2.</i> В тумане	28
<i>Глава 3.</i> Цвета	58
<i>Глава 4.</i> Фейрфакс	103
<i>Глава 5.</i> Город стен и секретов	146
<i>Глава 6.</i> Мирк	214
<i>Глава 7.</i> Враги и друзья	301
<i>Эпilog.</i> Гимн Беглецов	400